

Тас Христиан
Андерсен
Ангел

Сказки

Ганс Андерсен

Ангел

Православное издательство "Сатись"

1875

Андерсен Г. Х.

Ангел / Г. Х. Андерсен — Православное издательство "Сатись",
1875

ISBN 5-7868-0029-6

«Жизнь моя – настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная! Если бы в ту пору, когда я бедным, беспомощным ребенком пустился по белу свету, меня встретила на пути могущественная фея и сказала мне: „Избери себе путь и цель жизни, и я, согласно с твоими дарованиями и по мере разумной возможности, буду охранять и направлять тебя!“ – и тогда жизнь моя не сложилась бы лучше, счастливее, разумнее. История моей жизни скажет всем людям то же, что говорит мне: „Господь Бог все направляет к лучшему“» (Г. Х. Андерсен «Сказка моей жизни»). Свет присутствия Божия, тепло истинной веры наполняют все творчество Ганса Христиана Андерсена. Ребенок, которому в детстве читали сказки Андерсена, сохранит радость встречи с этим удивительным миром на всю жизнь; взрослый человек, перечитав эти сказки, удивится, насколько правдивы и глубоки законы доброго сказочного мира, где, действительно, «Господь Бог все направляет к лучшему». К 200-летию со дня рождения Ганса Христиана Андерсена

ISBN 5-7868-0029-6

© Андерсен Г. Х., 1875
© Православное издательство
"Сатись", 1875

Содержание

Христианский писатель	6
Храбрый оловянный солдатик	9
Новое платье короля	12
Бутылочное горлышко	15
Лен	21
Бабушка-бузина	23
Ангел	27
Малый Клаус и большой Клаус	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ганс Христиан Андерсен

Ангел

© Издательство «Сатись», составление, оригинал-макет, оформление,
2006

*По благословению Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

Христианский писатель

Датский писатель Ганс Христиан Андерсен (1805–1875) – не только один из величайших детских сказочников мира, он глубоко христианский писатель.

Герои, которыми писатель восхищается, в самых трудных обстоятельствах не опускают рук, не ропшут, а смиренно надеются на Бога, верят в Его Божественный Промысел, готовы пожертвовать всем ради своих ближних. Тех же героев, которые выбирают другой путь (надеются только на себя, бросают вызов Богу), ждет суровое наказание. Но раскаявшийся грешник всегда может надеяться на милосердие Божие, хотя искупить свой грех, по Андерсену, непросто. Часто писатель показывает трудный путь человека к Богу – путь скорбей, страданий, невзгод. Земное счастье, по Андерсену, в полной мере неосуществимо. Но в будущей жизни за все терпеливо перенесенные на земле страдания человека ожидает вечное блаженство.

У Андерсена есть сказки, сюжет которых основан на народных, но писатель наполняет их христианским смыслом. В сказке «Дорожный товарищ», например, есть много деталей, сближающих ее с народной. Но не они определяют содержание сказки. Главное в ней – вера в Божественный Промысел, чувство благодарности Богу за тот мир, в котором мы живем. Так и герой «Дорожного товарища» Йоханнес, смотря с высоты на землю, не мог не воскликнуть:

– Боже Ты мой! Как бы я расцеловал Тебя за то, что Ты такой добрый и создал для нас весь этот чудесный мир!» Недаром Андерсен полагал, что лучшей сказки, чем сама жизнь, не существует.

Главная героиня сказки «Дикие лебеди» Элиза с Божьей помощью побеждает колдовство злой мачехи и возвращает братьям человеческий облик. Ее сила – в уповании на Бога, к Нему она обращается во всех трудных ситуациях. Элиза живет с молитвой в сердце, недаром в одном из эпизодов сказки говорится, что она «продолжала свою молитву даже во сне».

Необходимо сделать важное отступление. Существуют очень распространенные переделки сказок Андерсена, предназначенные для детей младшего возраста. Они сделаны Т. Габбе и А. Любарской в советские годы. Эти переделки заключаются в следующем: из текста сказок убираются упоминания о Боге, о молитвах, обо всем, что связано с религией. Так из них в годы господства атеизма пытались изгнать религиозный смысл. (К сожалению, эти переделки переиздаются и сейчас, причем не всегда в изданиях указывается, что это пересказы.)

Андерсен верит в то, что доброе сердце обязательно будет вознаграждено. Никакие обстоятельства не могут воспрепятствовать спасению человеческой души. В мире много горя, но это путь к свету, неизбывной красоте и вечному блаженству. «Не беда появиться на свет в утине гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца», – замечает автор.

В сказке «Последняя жемчужина» рассказывается о том, как добрые феи приносят новорожденному свои дары – жемчужины счастья, здоровья, богатства, любви – «всех благ земных, каких только может пожелать себе человек». Но Ангел Хранитель ребенка говорит, что недостает жемчужины скорби, «без которой не полон венец земных благ». В скорби, по Андерсену, есть «сияние радуги – моста, соединяющего землю с небом». Писатель верит, что человек спасается через страдания, они помогают людям осознать несовершенство земной жизни и обратить свои взоры к Небу.

Андерсен часто изображает в своих сказках героев, у которых в жизни почти не было счастья, чья жизнь состояла из одних страданий. Несчастливая любовь, измены возлюбленных, разлука, гибель жениха или невесты накануне свадьбы, голод, бедность, слезы, болезни – такова участь многих героев писателя. И смерть для них – освобождение от мук земной жизни, врата в тот мир, где Бог за все перенесенные страдания наградит их вечным блаженством.

Эти сказки бередают душу и не могут оставить равнодушными. Но в них у писателя ярче и убедительнее получилось изображение страданий и горестей, чем надежды на отдохнове-

ние после смерти. К тому же в этих произведениях звучит такое отчаяние в том, что можно на земле найти радость и покой, такая печаль, такое беспросветное одиночество и безысходность, что это может вызвать у читателей уныние. Реалистическое же изображение многих страданий может оказать отрицательное воздействие на детское сознание. Поэтому такие сказки, наверное, не стоит читать детям до подросткового возраста. Такие сказки у Андерсена – это, по сути дела, жизненные истории, заключенные в рамки сказочного сюжета. Среди них «Ангел», «Побратимы», «Бронзовый кабан», «Под ивою», «Ледяная дева», «Золотой мальчик», «Ромашка», «Ночной колпак старого холостяка», «О чем рассказывала старая Йоханна», «Бутылочное горлышко», «У окна богадельни», «Тернистый путь славы», «Лен», «Бабушка», «Садовник и господа», «Предки птичницы Греты», «Старый дом», «На дюнах», «Пропавшая», «Иб и Христиночка», «Сын привратника», «История одной матери», «Последняя жемчужина», «Девочка со спичками».

Андерсен во всех произведениях остается христианским писателем и певцом человеческого страдания. Но не всегда ему удается выдержать меру в изображении этих страданий, удержаться от излишней сентиментальности. В других же случаях он создает шедевры – это прежде всего те сказки, в которых ему удается убедительно передать читателю, что вера в Бога уже в этой жизни позволяет ему радоваться и быть счастливым (например, в сказках «Гадкий утенок», «Дикие лебеди», «Снежная королева», «Колокол», «Соловей», «Дюймовочка»).

У Андерсена есть произведение подлинно трагическое, в котором нет радости, но есть подлинное величие христианского смирения – «История одной матери». (Конечно, эта сказка не для маленьких детей. Читать ее лучше не ранее подросткового возраста.)

В этой сказке даже в, исступлении, в отчаянии от потери ребенка мать не хочет принести зла другим матерям. Вера ее такова, что она видит: Бог лучше знает, что нужно человеку. И она отказывается от своей воли ради Божьей воли.

В образе этой матери столько глубочайшего страдания, величия любви, жертвенности, смирения, что остается только отступить перед ним в молчании.

Среди сказок Андерсена есть множество сатирических и комических сказок. Это с юмором «пересказанные» народные сказки «Ганс-Чурбан», «Огниво», «Принцесса на горошине», «Что муженек ни сделает, все хорошо», «Сундук-самолет».

В сатирических сказках Андерсена действующими лицами чаще всего являются предметы, растения, птицы, животные, насекомые, реже люди. Среди таких сказок «Пастушка и трубочист», «Две девицы», «Жених и невеста», «Прыгуны», «Скороходы», «Штопальная игла», «Пятеро, из одного стручка», «Воротничок», «Отпрыск райского растения», «Свинья-копилка», «Истинная правда», «Калоши счастья», «Тетушка», «Соседи», «Счастливое семейство», «Всему свое место», «Улитка и розовый куст», «Мотылек», «Есть же разница!», «Навозный жук», «Домовой у лавочника», «Домовой и хозяйка», «Дворовый петух и флюгерный», «Кое-что», «Суп из колбасной палочки», «На утином дворе», «Писарь», «Лягушачье кваканье», «Судьба репейника», «Жаба», «Чайник», «Перо и чернильница», «Ветряная мельница», «Новое платье короля».

В этих сказках с незаурядным юмором высмеивается хвастовство, высокомерие, суетность, трусость, зависимость от земных благ, праздность, гордость, тщеславие. Одна из лучших сказок Г. Х. Андерсена – «Снежная королева». Остановимся на некоторых эпизодах сказки.

В царстве Снежной королевы, куда попадает Герда, «холодно, пустынно, мертво» – в нем нет жизни, оно подобно аду, ведь, по скандинавским представлениям, в аду холодно. Кай от пребывания здесь сильно изменился. Душа в нем как будто заснула, ее сковал холод, сам он «словно неживой». В нем осталась только «ледяная игра разума», разума, занимающегося бессмысленным делом. Кай пытается сложить из льдинок слово «вечность». «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков», –

так сказала ему Снежная королева. Слова эти неслучайны. За ними стоит бунт против Бога, идея о том, что выше человека никого нет, и он сам может стать повелителем вечности, хозяином самого себя. Снежная королева обещает Каю «весь свет», который ей не принадлежит. Помните? «Будете как боги, знающие добро и зло...»

Кажется, что Каю уже ничто не поможет. Но вот во дворце Снежной королевы появилась Герда, ветры мешали ей войти, но она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись.

Слезы девочки растопили лед в сердце Кая, окончательно же возвращает его к жизни песня:

«Лето миновало,
Не стало больше роз,
Скоро посетит нас
Младенец-Христос!»

Имя Христа разрушает все колдовские чары Снежной королевы, мальчик плачет, со слезами выходит осколок. И Кай снова становится человеком, «Герда! Милая моя Герда!.. Где же ты была так долго? Где был я сам?» Кай очнулся от страшного сна и обрел мир и себя заново.

Льдинки пускаются в пляс и сами складываются в слово «вечность». Кай действительно получил «весь свет», но не от Снежной королевы, а от Бога, Кому этот мир действительно принадлежит.

Возвращению Кая и Герды домой сопутствует весна – видимо, это символизирует начало их новой жизни. Они входят в родной город под колокольный звон, приходят в свой дом. «Уже взрослые», сидят на детских стульях и забывают «холодное пустынное великолепие чертогов Снежной королевы, как тяжелый сон». Они слышат, как бабушка громко читает Евангелие: «Если не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное». И в этом – смысл сказки.

Теперь Кай и Герда поняли смысл песни:

«Лето миновало,
Не стало больше роз,
Скоро посетит нас
Младенец-Христос!»

В этих строках – утверждение того, что красота земная – прообраз красоты Небесной, надежда на встречу человека с Богом, Которого славят весь мир. «Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!»

В последних словах сказки, как и во всем творчестве Андерсена, слышится благодарение Богу за «лето Господне благоприятное» – всю человеческую жизнь.

Ю. Ю. Поринец

Храбрый оловянный солдатик

В коробке лежало 25 оловянных солдатиков, сделанных из старой ложки. У всех были красные мундиры, синие штаны, кивер на голове, ружье у плеча.

Эту коробку подарили одному мальчику в день его именин. «Ах, оловянные солдатики!» – крикнул он, захлопав ручонками, и тотчас же принялся расставлять солдатиков на столе. У одного не оказалось ноги, но он стоял на подставке так же твердо, как и другие. С ним-то нам и предстоит познакомиться.

На столе, кроме солдатиков, было много других игрушек; между прочим, карточный дворец, сквозь открытые окна которого можно было видеть убранство комнат. Кругом приклеены были бумажные деревья и зеркальце, изображавшее пруд, на котором плавали восковые лебеди, отражавшиеся в воде. Все это выглядело очень мило, но милее всего была картонная девочка, одетая, как танцовщица, в легкое короткое платьице с голубой перевязью через плечо. Она стояла у дверей, подняв высоко руку и ногу, а оловянный солдатик вообразил, что она так же, как и он, об одной ноге.

– Вот бы мне подходящая жена, – размышлял солдатик, – только она барышня, живет во дворце, а я в коробке с 25-ю товарищами; ей и места там не будет.

Он спрятался за табакерку, стоящую на столе, и принялся наблюдать за девочкой, которая оставалась в том же положении, на одной ноге.

Вечером мальчик уложил солдатиков в коробку и пошел спать. За ним отправились на покой родители, а потом и слуги. Только что дом затих, игрушки пришли в движение и начали веселиться. Сначала они играли в жмурки, потом в войну и, наконец, вздумали танцевать. Солдатики в коробке задвигались; им тоже захотелось поплясать, но крышка была надвинута плотно, и они ее не осилили. А игрушки продолжали ходить ходуном. Паяц плясал трепака, грифель выделывал на грифельной доске разные выкрутасы. От этого шума проснулась канарейка и начала петь. Только картонная барышня и оловянный солдатик оставались неподвижными на своих местах.

Пробила полночь. Вдруг крышка у табакерки, за которой притаился солдатик, отскочила и появился маленький черный колдун.

– Оловянный солдат! – крикнул он. – Потрудись посмотреть в другую сторону.

Солдатик притворился глухим.

– Ну, погоди ты у меня! Покаешься завтра, да будет поздно, – пригрозил колдун.

Утром дети поставили солдатика на окно и... ветер, а, может быть, злой колдун, толкнул его. Солдатик очутился на улице, вверх ногами, а штык его ружья завяз между камнями мостовой.

Мальчик и нянька побежали за ним, чуть не наступили на него и все-таки не заметили. Стоило ему закричать: «Осторожно!» – и они увидели бы его. Но ему было стыдно показаться в таком виде, и он остался на мостовой.

Пошел сильный дождь; разыгралась гроза, солдатик все стоял вниз головой.

Но вот двое уличных мальчишек заметили его.

– Э, оловянный солдат! Пустим-ка его в плавание.

Сделав из бумаги лодочку, мальчишки поставили туда солдата и пустили его на струю, образовавшуюся от дождя вдоль улицы. Струя текла быстро, лодка мчалась, а мальчишки бежали возле и хлопали в ладоши.

Вдруг струю втянуло в подземную канавку, а с нею – и лодку.

– Ух, как темно! – проговорил солдатик. – Где я? Это все штуки противного колдуна. Если бы картонная барышня была со мною, я думаю, мне не было бы так страшно.

В эту минуту появилась обитательница канавки, водяная крыса.

– Ты кто такой и как сюда попал? Где твой паспорт?

Солдатик ничего не ответил и только крепче ухватил свое ружье. Лодка неслась, крыса гналась за нею и злобно кричала камышам и соломинкам:

– Остановите его, он не заплатил пошлины и не показал паспорта.

Но течение делалось быстрее и быстрее. Впереди показался свет и послышался шум воды. Канавка изливалась в речку с значительной высоты. Выходило что-то похожее на водопад. Бумажная лодка закружилась, перевернулась, и солдатик исчез в водовороте. Одну минуту в уме его мелькнуло воспоминание о танцовщице, которую он уже никогда не увидит; потом кто-то пропел ему в самое ухо:

Солдатик молодец,
Настал тебе конец!

И затем... его проглотила рыба.

Вот тут-то было действительно темно, хуже, чем в канавке, и вдобавок – жарко.

Но несмотря на такое неудобство, brave солдатик продолжал лежать смирно, с ружьем на плече.

Рыбу поймали рыбаки и снесли на рынок, где купила ее кухарка. Солдатик почувствовал, как рыба затрепетала. В эту минуту кухарка полоснула ее ножом, и солдатик увидел свет.

– Оловянный солдатик! – удивилась кухарка и, взяв солдата поперек туловища, понесла его в комнаты, где всякий желал посмотреть на человечка, проглоченного рыбою, как Иона – китом.

Бывают же чудеса на свете! Солдатик очутился в той самой комнате, на том самом столе и между теми самыми игрушками, где он находился до падения из окна. Картонная танцовщица стояла на том же месте и в той же позе.

Солдатик и танцовщица друг на друга посмотрели, но ничего не сказали.

Вдруг мальчик схватил несчастного солдатика и ни с того ни с сего бросил его в камин. Все это были штуки черного колдуна.

Охваченный огнем, солдатик стоял неподвижно с ружьем на плече и не сводил глаз с танцовщицы. Он начинал уже плавиться. Вдруг порыв ветра сорвал картонную девицу и унес ее в огонь. Минуту спустя от солдата остался кусочек олова, а от танцовщицы – кучка пепла!

Новое платье короля

Жил когда-то давно король, который очень любил наряжаться и все свои доходы тратил на наряды. Делал ли он смотр войскам, ехал ли в театр на прогулку, он только и думал о том, как бы показаться в новом наряде. Чуть ли не каждый час он менял свои костюмы; и как про иных королей говорят: «король в совете», про этого говорили, что он в своей уборной.

Столица королевства была очень многолюдна. Ее посещали иностранцы всякого рода. Однажды двое плутов, проведавши о слабости короля к нарядам, явились в столицу под видом ткачей и предложили соткать удивительную материю.

– Материя нашего производства, – говорили они, – не только красива по узору и краскам, но она еще обладает удивительным свойством: сшитое из нее платье будет невидимо для людей глупых и неспособных к занимаемой ими должности.

Услыхав об этом, король пришел в восторг.

«Платье из такой материи бесценно, – размышлял он. – Оно даст мне возможность отличать умных от глупых и узнавать, кто из моих подданных непригоден для занимаемой ими должности».

Не долго думая, король велел дать мнимым ткачам значительную сумму денег с тем, чтобы они тотчас же приступили к работе.

Плуты поставили два станка и принялись делать вид, что ткут. Беспреданно требовали они то шелку, то золотых ниток, и все это припрятывали в мешки, а сами от утра до вечера сидели за пустыми станками.

Королю очень хотелось посмотреть, как идет работа, но он не решался. Ведь дураки не могут видеть этой удивительной ткани. За себя-то он не боялся, но все-таки благоразумнее было послать сперва кого-нибудь другого.

Придворные, прослышавшие об изготовлении удивительной материи, мучились любопытством. Им страх как хотелось узнать, кто из их друзей-приятелей окажется глупым и неспособным; но никто не решался идти первым.

«Пошлю-ка я своего старого министра, – размышлял король. – Всем известно, что он человек способный и честный; притом у него тонкий вкус и много опытности».

Министр повиновался беспрекословно.

– Что это? – воскликнул он, глядя на пустые станки, – ведь я ничего не вижу!

Обманщики ткачи, увидав министра, попросили его подойти поближе, посмотреть на работу и сказать, хороши ли узоры и краски.

Министр смотрел во все глаза, но, разумеется, ничего не видел, потому что и видеть-то было нечего.

«Боже мой! Неужели я так глуп и неспособен, – размышлял бедный старик. – Во всяком случае, не следует об этом рассказывать».

А ткачи между тем приставали:

– Подойдите, ваше превосходительство, полюбуйтесь.

– Превосходно! Неподражаемо! – восклицал почтенный сановник, надевая очки. – Я доложу его величеству, что материя прелестна.

Плуты-ткачи, посмеиваясь втихомолку, принялись объяснять министру сочетание рисунка и красок ткани, как будто бы она действительно находилась на станке. Старик слушал с большим вниманием, чтобы потом передать все эти подробности королю.

Обманщики между тем продолжали требовать денег, шелков, золотых нитей и припрятывали все это, продолжая сидеть за пустыми станками.

Несколько времени спустя, король послал другого сановника посмотреть на работу. С тем случилось то же, что и с первым. Он посмотрел, но ничего не видел.

– Взгляните, какая плотная ткань и какой чудный рисунок, – говорили плуты новому посетителю. – Вы, наверно, не видали ничего подобного.

А сановник смотрел и думал: «Кажется я не дурак; иначе я не мог бы занимать такого важного места. Как бы то ни было, я желаю его сохранить и потому буду помалкивать».

И он принялся расхваливать королю достоинство материи, которой не видал.

– Это нечто восхитительное, ваше величество! – говорил почтенный сановник.

В городе только и было разговору, что об удивительной материи, которая ткется в королевском дворце.

Наконец король не выдержал и в сопровождении большой свиты, в числе которой находились и те два сановника, которые уже посетили ткачей, отправился любоваться чудной тканью.

Обманщики продолжали делать вид, что ткут на пустых станках.

– Не говорил ли я вам, что это прелестно! – сказал министр, указывая на пустой станок.

Другой сановник стал объяснять узор, старательно запомнив то, что он раньше слышал от ткачей.

Король видел только пустые станки и недоумевал.

– Неужели я дурак, – с ужасом думал он. – Куда же я поеду после этого? Какой же я правитель? Прекрасно! Великолепно! – крикнул он громко. – Я вполне доволен.

Приближенные советовали королю на первой же большой процессии надеть новое платье.

– Чудесная ткань! Восхитительная! – повторяли сановники, удаляясь.

Ткачи получили ордена и звание придворных ткачей.

Накануне процессии, ткачи потребовали 16 свечей и просидели всю ночь у своих станков. Потом они сделали вид, что снимают ткань со станка; провели по воздуху огромными ножницами, замахали иглой без нитки и объявили, что костюм готов.

Когда король, в сопровождении свиты пришел посмотреть новое платье, один из негодеев принялся взмахивать рукой, как будто перебирая принадлежности костюма.

– Вот панталоны, вот камзол, вот мантия, – приговаривал он. – Ваше величество не почувствует на себе этого платья; оно легко как паутина. Это одно из его достоинств.

– Правда, правда, – поддакивали придворные, которые ничего не видали, так как и видеть-то было нечего.

– Если вашему величеству угодно раздеться, мы примерим новое платье перед зеркалом, – предложили придворные ткачи.

Король разделся, и плуты, делая вид, что подают ему одну штуку за другой, сжимали ему талию, щекотали икры, как будто застегивая панталоны.

– Ах, какая прелесть! Какой покрой! Какой рисунок! Ни одно платье не сидело на вашем величестве так восхитительно, – восклицали придворные.

Король самодовольно вертелся перед зеркалом, оглядывая себя со всех сторон.

– Балдахин для вашего величества и почетная стража уже у дверей, – возвестил, входя, церемониймейстер.

– Я готов, – отвечал король, и еще раз посмотрелся в зеркало, чтобы полюбоваться своим величием.

Камергеры, которые должны были нести шлейф мантии, наклонились, делая вид, что поднимают шлейф с полу. Никто не хотел сознаться, что не видит никакого шлейфа.

Король шел по улице, гордо подняв голову, и все прохожие кричали ему вслед:

– Ах, какое роскошное платье! Какой покрой! Как красиво лежит шлейф!

Никогда еще одеяние короля не производило такого впечатления. Никто не хотел признаться, что не видит на короле ничего, кроме прародительского костюма. Ведь это значило бы открыто заявить о своей глупости и непригодности к занимаемой должности.

– Да на короле вовсе ничего не надето, – заявил маленький мальчик, бывший на процессии с родителями.

– Слышите, слышите, он уверяет, что на короле ничего не надето, истина говорит устами ребенка, – сказал один, потом другой и наконец вся толпа.

Король слышал, что говорили его подданные и начинал находить, что они правы. Но бедняга должен был доиграть свою роль до конца. Он продолжал гордо выступать под балдахином, а камергеры величественно несли воображаемый шлейф.

Бутылочное горлышко

На тесной кривой улочке рядом с убогими домишками стоял узкий, высокий и старей-престарый дом. В нем жила одна только беднота; всего беднее было в жалкой каморке, приютившейся под самой крышей. Над окном каморки висела старая клетка; в клетке не было даже порядочного стаканчика для воды, его заменяло отбитое от бутылки горлышко, заткнутое пробкой. У открытого окна стояла старая девушка; она только что положила в клетку зелененькой травки, и маленькая коноплянка, весело перепрыгивая с жердочки на жердочку, пела и щебетала так, что любо-дорого было слушать.

– Отчего тебе не петь! – молвило бутылочное горлышко, конечно, не так, как говорим мы, люди – бутылочное горлышко, ведь, говорить не умеет, – оно только сказало про себя, как иной раз мы это делаем. – Отчего тебе не петь, когда ты здорова-здоровехонька, а останься-ка у тебя от всего туловища одно горло, да и то пробкой заткнутое, – посмотрела бы я, как бы ты запела. Слава Богу, что хоть кому-нибудь весело! Мне же не до веселья, да и петь не могу. Певала и я в свое время, только давненько, когда была еще целой бутылкой: начнут водить по мне мокрой пробкой, а я-то заливаюсь! Меня даже прозвали жаворонком, большим жаворонком. Случилось это в лесу на пикнике, когда семья скорняка праздновала помолвку дочери. Да, помню все так живо, словно это было вчера... Чего-чего не пережила я на своем веку! Побывала и в огне, и в воде, и под землей; довелось побывать и над землей, высоко, высоко, а теперь парю в воздухе в птичьей клетке, и солнышко греет и ласкает меня. Да, есть мне чем поделиться, жаль только, что не могу рассказывать вслух.

И тут бутылочное горлышко поведало о себе историю, довольно таки замечательную, но не вслух, а мысленно. А коноплянка, тем временем, звонко распевала в клетке; по улице шли и ехали люди; всякий думал свое или ничего не думал, зато бутылочное горлышко думало.

Вспомнилось ему раскаленная плавильная печь стеклянного завода, где в него вдунули жизнь, припомнилось, как горяча была бутылка, как она глядела на бушевавшую огнем печь – место своего рождения, пылая желанием броситься туда обратно и, как постепенно остывая, стала, наконец, хорошо себя чувствовать... Стояла она рядышком со своими братьями и сестрами, их было много – целый полк. Хоть все они вышли из одной печи, но одни предназначались для шампанского, другие – для пива, а это разница! Впоследствии, конечно, может случиться, что в пивную бутылку нальют драгоценное *Lacrymae Christi*, а в шампанскую – вакуу, но все-таки по виду сразу можно узнать назначение каждой, – благородная останется благородной, чем ее ни наполняй, хоть ваксой.

Упаковали все бутылки, не забыли и нашу. Не думала она тогда, что ей придется доживать свой век стаканчиком для птички, – роль, впрочем, вполне почтенная; играть какую-нибудь роль все-таки лучше, чем быть ничем. Снова увидела свет бутылка в погребе виноторговца, где ее вместе с подружками распаковали и в первый раз выполоскали – престранное было ощущение, – потом положили на бок, и так пролежала она некоторое время. Страх, как не по себе ей было; ей словно чего-то недоставало, а чего – она и сама не знала. Но вот ее наполнили отличным вином, закупорили и запечатали, а сбоку наклеили ярлычок: «Первый сорт!» Словно диплом получила бутылка, да и в самом деле вино и бутылка были превосходны.

Кто в молодости не поэт! И в нашей бутылке что-то играло и пело, пело о многом таком, чего она совсем не знала: об освещенных солнцем горах, поросших виноградниками, о веселых парнях и девушках, об их песнях, шутках и поцелуях. Да, чудо, как хороша жизнь! Вот о чем пело и играло в бутылке, словно в душе юного поэта, – он и сам подчас не знает, о чем поет.

В одно прекрасное утро бутылку купил ученик скорняка, которого послали за самым лучшим вином. Бутылку уложили в корзину вместе с окороком, сыром, колбасой, свежим маслом и булками. Корзинку укладывала сама дочка скорняка – молоденькая, прехорошенькая

девушка. Ее карие глазки смеялись, улыбался и розовый ротик, такой же выразительный, как и глазки. Ручки у нее были маленькие, нежные и белые-белые. Поглядишь на нее, сразу скажешь – первая в городе красавица, а вот, подите же, не была еще просватана.

Вся семья скорняка отправилась на прогулку в лес; корзинку с провизией взяла к себе на колени молодая девушка. Из-под салфетки высунулось горлышко бутылки и своей красной сургучной головкой смотрело прямо на юное прелестное личико девушки и на сидевшего рядом с ней молодого штурмана – сына художника-портретиста. Молодой человек, друг детства красавицы, только что отлично сдал экзамен на штурмана и на другой день должен был уйти в дальнее плавание. Об этом много говорилось при сборах в лес, и нельзя сказать, чтобы пригожее личико Скорняковой дочери сияло радостью при разговорах об отъезде штурмана.

Молодые люди пошли гулять по лесу и оживленно беседовали, но о чем – того бутылка не знала, ведь она осталась в корзине. Прошло немало времени, когда о ней, наконец, вспомнили и достали из корзины. Она сразу заметила, что все были очень веселы: глаза у стариков сияли, играла улыбка и на лице у Скорняковой дочки, а щеки у нее горели, словно маков цвет.

Отец взял бутылку с вином и штопор... Прелюбопытное, право, ощущение, когда вас в первый раз откупоривают! Бутылочное горлышко никогда не могло забыть этого торжественного момента, когда с громким «паф» вылетела пробка, и вино забулькало и полилось в стаканы.

– Мир вам да любовь! – пожелали старики.

Снова налил моряк стаканы и сказал:

– Вам известно, что я могу вернуться только через год, выпьемте же за мое счастливое возвращение и за нашу свадьбу!

– За здоровье жениха и невесты! – сказал отец, и все осушили стаканы до дна, а штурман поцеловался с невестой.

Когда стаканы были опорожнены, моряк схватил бутылку, поднял ее и со словами: «Ты была свидетельницей лучших минут в моей жизни, – никому больше не служи!» – высоко подбросил ее в воздух.

Дочка скорняка и представить себе не могла, что ей придется еще раз увидеть бутылку, а между тем это случилось.

Бутылка упала на берегу маленького озера в густой тростник. Бутылочное горлышко хорошо помнило, как она лежала там и раздумывала: «Я дала им хорошего вина, а они угощают меня болотной водой. Ну, да это от доброго сердца!»

Не видала больше бутылка ни жениха с невестой, ни счастливых старичков, но до нее долго еще доносились их веселые разговоры и пение. А в тростник тем временем забрели двое деревенских мальчуганов, увидели бутылку и отнесли ее домой. Теперь она снова была пристроена.

В маленький домик в лесу, где жили ребяташки, заходил накануне их старший брат, матрос, прощаться – он отправлялся в дальнее плавание. И вот теперь мать торопилась уложить его вещи в сундучок; отец собирался вечером сам отнести сундучок в город, чтобы еще раз проститься с сыном и передать ему поклон и благословение матери. В сундучок уже успели положить и небольшую бутылку с травником, как вдруг явились ребяташки со своей находкой. Бутылка, которую они принесли, была куда крупнее, из толстого стекла, и налить в нее травничка можно было побольше, а глоточек-другой травничка, известно, очень полезен для желудка.

И вот, нашу бутылку налили доверху, но на этот раз не красным вином, а горькой настойкой, и это очень не дурно – для желудка, конечно. Затем уложили ее с вещами в сундучок, и она отправилась в далекое путешествие с Петром Йенсенем, как раз на том самом корабле, на котором служил и молодой штурман. Но он не увидел бутылки, да если бы и увидел – не

узнал бы ее. Мог ли он подумать, что это та самая бутылка, из которой пили за его помолвку и благополучное возвращение домой.

Правда, вином она больше не могла угостить, но в ней было кое-что другое, не хуже вина. Не даром товарищи величали Петра Йенсена «аптекарем», когда он наливал им целебной настойки; она до самой последней капельки не утратила своей силы... Веселое было то времечко! Начнут водить по бутылке пробкой, а она поет себе, заливаясь; вот и прозвали ее большим жаворонком, жаворонком Петра Йенсена.

Прошло много времени; давно бутылка стояла пустой в углу, как вдруг неожиданно-негаданно случилось большое несчастье. Случилось ли оно на пути в чужие края, или когда корабль возвращался обратно, бутылка не знала, – она, ведь, ни разу не сходила на берег. Поднялась страшная буря; по морю заходили огромные черные волны и, как мячик, швыряли из стороны в сторону корабль. Ветром сломало мачту, оторвало обшивку, в образовавшуюся пробоину хлынула вода; помпы перестали действовать. Кругом зги не было видно; корабль медленно шел ко дну. О спасении нечего было и думать; схватил тут молодой штурман первый попавшийся клочок бумаги и написал: «Мы тонем! Господи, спаси и помилуй!», а внизу прибавил имя невесты, свое собственное и название корабля, вложил записку в подвернувшуюся под руку бутылку, крепко заткнул ее пробкой и кинул в бушующее море. Он и не подозревал, что это была та самая бутылка, из которой он в счастливый день своей помолвки пил с невестой вино. И вот, качаясь, поплыла бутылка по волнам с вестью о его смерти и прощальным приветом.

Корабль утонул, а с ним и весь экипаж. Бутылка же, как птица, помчалась по волнам; она несла в себе последний привет жениха к невесте. Выходило солнышко и заходило, и своим красным диском напоминало бутылке пылающую плавильную печь, откуда она вышла, и куда ее так тянуло броситься. Видела она и штиль и бури, но не разбилась о скалы, не попала и в пасть к акуле. Больше года пробыла она в море; течением ее уносило то к северу, то к югу. Правда, теперь она была сама себе госпожой, но, ведь, и это может под конец надоесть.

Клочок бумаги, последний привет жениха к невесте, принес бы только горе, попади он в ее руки. Но где же были те нежные белые ручки, что в день помолвки расстилали чистую скатерть в лесу на зеленой травке? Где была дочка скорняка? Куда, к каким берегам несло волной бутылку? Ближе или дальше от ее родины – бутылка того не знала. Она все плыла и плыла; под конец это долгое скитание порядком-таки ей надоело, – носиться по волнам, ведь, не ее призвание. А все-таки она носилась, пока течением не прибило ее к чужому берегу. Вокруг нее столпились люди и о чем-то говорили; ни словечка не поняла бутылка, – речь шла на чужом для нее языке, а, известно, много теряешь, когда не понимаешь языка.

Вытащили бутылку на берег, достали из нее записку, но сколько ни вертели, ни разглядывали – разобрать ничего не смогли. Положим, догадались, что бутылка была брошена с потонувшего корабля, и что об этом говорится в записке, но что именно – того не поняли. Положили обратно записку в бутылку и поставили ее в большой шкаф в большой комнате большого дома.

Всякому, кто ни приходил в дом, показывали бутылку, доставали из нее записку, развертывали, рассматривали, отчего буквы, написанные карандашом, стирались все больше и больше, и под конец от них и следа не осталось. Год целый простояла бутылка в шкафу, а затем ее отнесли на чердак, и она мало по малу покрылась пылью и паутиной. Стоя на чердаке, бутылка частенько вспоминала лучшие времена, когда из нее распивали красное вино в благоухающем зеленом лесу и, когда она, качаясь на морских волнах, несла в себе тайну молодого моряка, его прощальный привет невесте. Целых долгих двадцать лет простояла бутылка на чердаке, и, пожалуй, простояла бы еще больше, если бы не понадобилось перестраивать дом. Сняли крышу, увидели бутылку и что-то стали толковать, но бутылка ни слова ни поняла, – языку, ведь, не научишься на чердаке, хоть век там простой! «Доведись мне в комнате стоять, – рассуждала бутылка, – наверно, все бы теперь понимала».

Вымыли и выполоскали бутылку, – это было очень необходимо. И снова она стала такая же чистенькая, светлая и прозрачная, как в молодости, зато записку, которую она так бережно хранила, выплеснули вместе с водой.

Бутылку насыпали семенами, а какими – она не знала, потом закупорили и запаковали так плотно, что ей и света Божьего не стало видно. А, ведь, надо же что-нибудь видеть, когда путешествуешь, – думала бутылка. Но она все-таки ровно ничего не увидела; однако, то, что от нее требовалось, сделала – отправилась в путь и благополучно прибыла, куда полагалось. Там ее распаковали.

– Ну, уж и постарались же они там за границей! На совесть упаковали бутылку, а все же надо посмотреть, не треснула ли она! – услышала бутылка; но она оказалась целехонька.

Теперь бутылка все понимала до единого словечка. Говорили на том языке, который она слышала, выйдя из плавильной печи, и у виноторговца, и в лесу, и на корабле, говорили на том самом милом, родном языке, который ей так был близок и понятен. Она опять на родине, и каждое слово родного языка кажется ей дорогим приветом. Чуть было не выпрыгнула она от радости из рук и не заметила, как ее откупорили, высыпали из нее семена, а потом отнесли в подвал, отнесли, чтобы поставить и забыть.

Но на родине и в подвале хорошо! Время шло, а она стояла себе, да стояла на одном и том же месте. Но вот пришли какие-то люди, забрали в подвале все бутылки и вынесли их на улицу.

В роскошно-иллюминированном саду давался праздник. По дорожкам висели гирляндами разноцветные шкалики, бумажные фонари сияли, словно большие прозрачные тюльпаны. Стоял ясный тихий вечер; кротко мерцали на небе бесчисленные звезды. С темного неба таинственно глядел золотой серп молодого месяца, но тем, у кого были хорошие глаза, он казался голубовато-серым шаром с золотым ободком посередине.

Иллюминированы были не только главные дорожки, но и боковые, конечно, не так великолепно, но все-таки при свете иллюминации можно было хорошо различить дорогу. По кустам были расставлены бутылки, и в них горели свечи. И наша бутылка стояла тут же, та самая бутылка, которой суждено было под старость служить стаканчиком для птички.

Хорошо было бутылке стоять среди зелени. Опять кругом царило веселье, слышались музыка, пение, смех и говор людской. Особенно шумно было в той части сада, где ярко горели разноцветные бумажные фонари. Сама бутылка, правда, стояла в боковой аллее, но именно в этом-то и была своего рода заслуга; она держала зажженную свечу и служила людям на потеху и на пользу, а в этом, ведь, вся суть. В такие минуты забудешь и двадцать лет, проведенных на пустом чердаке!

По дорожке, мимо бутылки, прошла под руку молодая парочка, точь в точь молодой штурман с дочкой скорняка, что когда-то гуляли в зеленом лесу. Бутылке казалось, что она вновь переживает милое прошлое... В саду, кроме гостей, разгуливали и посторонние, – им позволили полюбоваться на иллюминацию и на нарядных гостей. Вместе с посторонними пришла старая девушка, круглая сирота; никого у нее не оставалось из родных, зато не было недостатка в друзьях. Старой девушке пришлось на память то же, о чем вспоминала бутылка: зеленый лес и прогуливавшаяся в ней парочка – жених с невестой. Парочка была очень, очень близка ее сердцу, – ведь, она сама была той счастливой невестой. Лучшие часы своей жизни прожила она тогда, а такие часы всю жизнь не забыть, хоть и станешь старой девой. Но она не узнала бутылки, да и бутылка тоже ее не узнала. Так-то часто бывает на белом свете: встретятся старые знакомые и, не узнав друг друга, расходятся в разные стороны, пока судьба снова не сведет их вместе. Так и случилось с бутылкой и старой девушкой.

Из сада бутылка попала к виноторговцу; снова в нее налили вина и продали воздухоплателю, который должен был в следующее воскресенье подняться на воздушном шаре. Народу собралось видимо-невидимо, гремела полковая музыка, шли большие приготовления. Бутылка видела все это из корзины, где лежала рядом с живым кроликом. Бедняжка был сам не свой

от страха, – он знал, что ему придется с воздушного шара спуститься на парашюте. Бутылка же не знала, что будет с нею; она видела только, как шар все больше и больше надувался, а как надулся – стал плавно покачиваться из стороны в сторону. Но вот, наконец, перерубили веревки, которые держали шар, и он взвился в воздух с воздухоплателем, корзиной, бутылкой и кроликом. Музыка гремела, а толпа кричала: «Ура!»

– Славно по воздуху плавать! – думала бутылка. – Куда лучше, чем по морю, по крайней мере на камень не наткнешься.

Тысячи людей не спускали взоров с шара; глядела на него и старая девушка из своего открытого окна, за которым висела клетка с коноплянкой. У птички еще не было стаканчика для воды; она тогда пила из маленькой деревянной плошечки. На подоконнике стояло миртовое деревцо; чтобы не уронить его старая девушка отодвинула деревцо к сторонке и, высушившись в окно, смотрела на шар. Ей хорошо было видно, как воздухоплатель спустил на парашюте кролика, потом отпил из бутылки за здоровье зрителей и кинул ее вверх. Старой девушке и на ум не пришло, что это была та самая бутылка, которую когда-то ее жених высоко подобрал в воздух в зеленом лесу, в счастливейший день ее жизни, в день ее помолвки!..

Бутылке же было не до размышлений, – так неожиданно для самой себе она очутилась в зените своего жизненного пути... Колокольни и крыши домов были где-то далеко, далеко внизу, а люди казались крохотными букашками.

Но вот бутылка стремительно полетела вниз, куда быстрее кролика. Она плясала, кувыркалась, чувствовала себя такой молодой, жизнерадостной, игривой, – ведь, из нее еще не все вино вылилось. Да, можно сказать, то был полет! Солнышко ласкало ее своими лучами, все люди глядели только на нее одну – шар уже давно куда-то умчался; вскоре и бутылка исчезла из вида. Она упала на крышу и разбилась вдребезги; осколки запрыгали и покатались по крыше, свалились во двор и разлетелись еще на более мелкие кусочки. Уцелело только одно горлышко, отбилося оно так ровненько, словно его алмазом отрезали.

– Славный выйдет из него стаканчик для птички! – сказал погребщик. Но на беду у него не было ни птицы, ни клетки, а завести их только потому, что случайно под руку попало подходящее бутылочное горлышко, было бы совсем безрассудно. Другое дело для старой девушки, что живет под крышей, ей бутылочное горлышко как раз кстати. И вот, бутылочное горлышко попало в каморку под крышей. Заткнули его пробкой и перевернули; теперь то, что было раньше наверху, очутилось внизу, – так-то частенько бывает на белом свете; потом налили в стаканчик свежей воды и подвесили к клетке, где так весело распевала маленькая птичка.

– Да, хорошо тебе петь! – сказала бутылочное горлышко, не простое горлышко, а в своем роде замечательное, – ведь, оно совершило полет на воздушном шаре. Это только и знали о нем. Теперь оно висит в клетке и служит стаканчиком для птички; слышен ему и уличный шум и то, что говорится в каморке старой девушки. У нее сидит в гостях старая приятельница-ровесница, и они ведут беседу, не о бутылочном горлышке, а о миртовом деревце, что стояло на окне.

– Не покупай венка дочери на свадьбу, к чему, милая, тратить! – говорила старая девушка. – Я тебе подарю отличный венок из мирт... Погляди-ка на это деревцо! Помнишь, на другой день после моей помолвки ты подарила мне отводок, я его посадила, и вот теперь какая выросла прелестная мирта. Я все мечтала, какой отличный венок из мирт будет у меня на свадьбе, но уввы! так и не дождалась этого дня... На веки-вечные закрылись те глаза, что должны были светить мне на счастье и радость. На дне морском крепко спит мой милый жених!.. Состарилась моя мирта, и я и того больше! Когда она почти совсем засохла, я отрезала от нее последнюю зеленую веточку и посадила в землю. Видишь, как разрослась опять моя мирта! Доведется ей в конце концов и на свадьбу попасть – свадебным венком твоей дочери.

Слезы заблестели на глазах у старой девушки, и она стала вспоминать о своем женихе, о помолвке в лесу, о том, как пили за их здоровье... Все перебрала она в своей памяти, только не думала, не гадала, что тут близохонько от нее за окном находится свидетель ее счастливых дней

– горлышко той самой бутылки, из которой с громким «паф» вылетела пробка в день помолвки. И само бутылочное горлышко не признало старой знакомой; оно отдалось воспоминаниям о своей прошлой жизни и не слушало, о чем рассказывала старая девушка.

Лен

Лен был в полном цвету. Его прелестные голубые цветочки, как крылья мушек, покачивались на своих стебельках. Их согревало солнце, поливали тучки, и они чувствовали себя счастливыми, как дитя, которое мать умывает и целует. Как дитя, так и цветы только выигрывали от нежной ласки.

– Говорят, что я очень хорош, – размышлял лен. – Я вырасту высоко-высоко, и из меня выйдет славное полотно. Я счастлив: счастливее всех на свете! Я пользуюсь прекрасным здоровьем, и у меня блестящая будущность. Лучи солнца ласкают меня, а дождь обмывает. Да, я неизмеримо счастлив!

– Ну, ладно, ладно, – возразили на это жерди изгороди. – Ты вовсе не знаешь жизни, а мы-то уж чего-чего не переиспытали.

Они затрещали и жалобно запели:

– Крак, крак, всему конец приходит!

– Не скоро еще, – беспечно отвечал лен. – Смотрите, какое чудное утро: солнце светит, дождичек освежает, и я расту да цвету. Очень мне хорошо живется.

Но в одно прекрасное утро пришли какие-то люди, взяли лен за чуб и повытаскивали его вместе с корнем. Сперва положили в воду, словно хотели утопить, потом в жаркую печь, как будто собирались сжечь; словом, жестокость следовала за жестокостью.

– Нельзя же беспрерывно блаженствовать, – думал лен, – надо и пострадать. Путем страдания приобретается опытность.

Но страдания все усиливались. Лен мяли, трепали, чесали, потом привязали к самопрялке и фррр... закрутили до головокружения.

– Я слишком наслаждался жизнью, – размышлял лен, когда нитки наматывали на шпульки. – Ведь и минувшее счастье надо ценить.

Поставили став и соткали холст. Прекрасное вышло полотно, 40 аршин в куске.

– Удивительно, как хорошо все кончилось, – философствовал лен. – А эти жерди все пели: крак... Я начинаю новую жизнь. Конечно, я претерпел немало, но зато как я теперь счастлив; я тонок, мягок, бел. Положение растения, даже цветущего, гораздо хуже. О нем никто не заботится, и оно не знает иной воды, кроме дождевой. Теперь же, напротив, каждый день девушки меня переворачивают и поливают из лейки. Экономка священника сказала в честь меня прекрасную речь, красноречиво доказывая, что лучшего холста нет во всем приходе. Как же мне не чувствовать себя счастливым.

Выбеленный холст снесли домой и стали кроить. Резали, резали без конца. Потом стали колоть иголками. Это было не особенно приятно, но зато вместо одного куска очутилось 12 славных рубашек.

– Только с сегодняшнего дня я чувствую, что кое-что значу, – размышлял лен. – Моя судьба благословенна, потому что я полезен. Только при подобном сознании можно быть довольным самим собой. Нас двенадцать штук, но мы составляем одно целое, т. е. дюжину. Какое блаженство!

Прошло несколько лет – рубашки изнасились.

– Все должно иметь конец, – говорила каждая штука. – Мы бы не прочь послужить еще, но нельзя же требовать невозможного.

Рубашки превратились в тряпье, которое попало на бумажную фабрику. Тряпье рубили, крошили, перетирали, варили. Оно думало, что тут ему и конец. Вдруг... О восторг! О блаженство! Оно превратилось в великолепную белую бумагу.

– Мне положительно везет, – сказала бумага. – Я получаю значение, какого никогда не имел лен. На мне будут писать и чего только не напишут.

И на ней писали прекрасные рассказы, а те, которые читали их, становились умнее. Бумага чрезвычайно гордилась своим успехом.

– Мне и во сне не снилось такой чести, когда я, в виде льна, росла на поле и любовалась своими голубыми цветочками. Могла ли я угадать, что со временем буду служить для удовольствия и назидания людей. Свежо предание, а верится с трудом. Богу известно, что я не гналась за величием. Отдаваясь течению, я постепенно возвышалась и вот достигла того, чем я теперь. А жерди-то, жерди, которые напевали, что всему бывает конец. Мое положение, напротив, все улучшается и делается более и более блестящим. Теперь, вероятно, мне придется обойти весь свет, чтобы все могли прочесть то, что на мне написано. Прежде меня украшали голубые цветочки, теперь украшают великие мысли. Судьба моя беспримерна.

Но бумаге не пришлось гулять по свету. Ее отослали в типографию и напечатали на ней книгу в несколько тысячах экземплярах. Книга принесла удовольствие и пользу тысячам людей, что не могла сделать бумага, потому что, путешествуя по свету в одном экземпляре, она скоро бы истрепалась.

– Это вполне правильно, – рассуждала бумага. – Как это подобная мысль раньше не пришла мне в голову. Оставаясь на месте, я буду пользоваться уважением, как престарелый дедушка. На меня первую вылилось вдохновение автора, я первая закрепила его мысли, мне и следует оставаться на месте, а книги пусть гуляют по белу свету. Их назначение прекрасно, но я и своим довольна.

Бумагу положили в конверт и сунули на полку.

– После работы хорошо и отдохнуть, – подумала она. – Уединение помогает познавать самого себя. С сегодняшнего же дня я начну изучать то, что во мне содержится, и таким образом мое развитие быстро подвинется вперед. Что-то мне предстоит еще? Я, наверно, буду идти вперед, так как ничто не стоит на месте.

Прошло несколько времени, и рукопись решили сжечь. Неудобно было продать ее колбаснику или мелочнику, чтобы в нее завертывали колбасу и масло. Дети прибежали посмотреть, как будет гореть бумага и как потом, когда она сгорит, запрыгают искорки, словно перегоняя друг друга, и затем начнут гаснуть одна за другой.

Весь пакет сразу бросили в камин. Ух, как он вспыхнул! Пламя поднялось до такой высоты, до какой никогда не достигал лен со своими голубыми цветочками. Перед ярким пламенем стусевалась белизна холста и бумаги. Все буквы на одну секунду сделались красными и в виде огненных языков улетели в трубу.

– Я поднимаюсь к небу, – говорил голос в пламени, и казалось, что тысячи голосов сливаются воедино.

Пламя улетало в трубу, и в нем кружилось множество существ, невидимых для человеческого глаза. Их число равнялось числу голубых цветочков на льну. Они-то и прыгали в виде красненьких искорок по пеплу сгоревшей бумаги. Дети смотрели на гаснувшие искры и напевали: крак!.. точь-в-точь как жерди. А маленькие существа говорили:

– Неправда; не конец это, а начало. Оно лучше всего остального.

Дети не могли слышать этих слов и не могли их понять. Да это вовсе и не нужно.

Бабушка-бузина

Жил-был маленький мальчик. Однажды ходил он со двора и простудился, потому что промочил себе ноги. Никто не мог понять, каким образом это случилось, так как на дворе было совершенно сухо. Мать раздела малютку, уложила в постель и велела принести самовар, чтобы согреть его бузинным чаем.

В эту минуту в комнату вошел старичок-сосед, который жил наверху. У старика не было ни жены, ни детей, но он любил всех детей вообще, знал много сказок и рассказов и тешил ими своих маленьких приятелей.

– Пей скорей чай, – сказала мать мальчику. – Может быть, потом услышишь сказочку.

– Да, если бы только знать новую, – сказал старичок, ласково кивнув головой. – Где это мальчик промочил себе ноги?

– Да, вот именно. Я понять не могу, как это случилось, – заявила мать.

– Что же, расскажете вы мне сказочку? – спросил мальчик.

– Да, но прежде того мне нужно знать, как глубока канавка в той улице, по которой ты ходишь в школу.

– До половины голенища, не выше. Я, верно, попал в яму.

– Ну, теперь понятно, отчего у нас ножки мокрые. Рассказал бы я тебе сказочку, да никакой не знаю.

– Вы сейчас можете сочинить. Мама говорит, что стоит вам взглянуть на что-нибудь или потрогать руками, все тотчас же обращается в рассказ или сказку.

– Да, но эти сказки и рассказы никуда не годятся. Хороши только те, которые сами приходят; стукнут мне в лоб и скажут: мы здесь!

– Скоро ли они постучатся? – спросил мальчик так забавно, что мать засмеялась.

– Расскажите, расскажите сказочку, – приставал он.

– Но что ж мне делать, когда она не идет? Она такая важная, что приходит только, когда ей вздумается. Постой, постой, она кажется пришла и в чайнике сидит.

Мальчик взглянул на чайник: крышка на нем подпрыгивала, а из-под нее высовывались белые бузинные цветочки, показались они также из чайного носка. Вот они стали расти и расти, распространились во все стороны, образовали прекрасный бузиновый куст, а потом и дерево, ветви которого достигали до кровати и раздвигали занавеску. Как цвело это дерево и как благоухало! А посредине сидела приветливая старушка в удивительном платье. По зеленому фону платья рассыпаны были бузинные цветочки, так что никак нельзя было разобрать, из материи сделано платье или из листьев и цветов бузины.

– Как зовут эту старушку? – спросил мальчик.

– Греки и римляне звали ее Дриадой, – отвечал старик. – Но мы с тобой этого не поймем. В матросской слободке есть для нее другое имя, получше: ее зовут Бабушка-бузина. Ну, теперь любуйся на это дерево и слушай.

Такое же красивое дерево растет здесь по соседству, в углу маленького бедного дворика. Однажды, в ясный летний полдень, сидели под ним два старичка: старый-престарый моряк и его старая-престарая жена. Они были уже прадеды и собирались справлять свою золотую свадьбу, но позабыли число. Бабушка-бузина сидела на дереве и казалась очень довольной.

– А я знаю, когда ваша золотая свадьба, – говорила она. Но старички не слышали: они заняты были разговором о давно прошедших временах.

– Помнишь ли ты, – говорил старый моряк, – когда мы, будучи еще детьми, играли и бегали на этом самом дворе, где мы теперь сидим. Мы еще сажали цветочки и устраивали сад.

– О, я это отлично помню, – отвечала старушка. – Одна из этих веточек была бузина. Она дала корешки, и мы ее усердно поливали. Вот какое славное дерево из нее вышло, и мы, старики, отдыхаем теперь в тени его.

– А там, в углу, стояла кадка с водой. В ней плавал мой кораблик. Я сам его выдолбил. Как он славно плыл под парусами. Скоро, однако ж, пришлось мне познакомиться с иным плаванием.

– Да, но сперва мы ходили в школу и учились; потом в первый раз причащались. Как мы оба плакали! Потом рука в руку поднялись на круглую башню, с которой виден Копенгаген. Потом мы ездили в Фреденбург и смотрели, как король с королевой на их великолепном катере катались по каналам.

– А потом я должен был уехать и провел много лет вдали от родины.

– А я-то как плакала! Я думала, что ты умер и лежишь на дне морском. Сколько ночей простояла я у окна, глядя на флюгер. Ветер дул к берегу, а ты все не ехал. Помню, как в страшный ливень я вышла на крыльцо, чтобы вывалить в тележку мусорщика корзинку мусора, как вдруг подошел почтальон и подал твое письмо. Нужды нет, что погода была ужасная. Я тут же письмо распечатала, читаю, а сама смеюсь и плачу, плачу и смеюсь. Так я была рада! Много это письмо путешествовало! Ты писал, что находишься в жарких странах, где растет кофейное дерево. Какая это должна быть благословенная страна, думала я. Кроме того, ты мне много писал, я читала да читала, а дождь лил да лил. Вдруг... кто-то подошел сзади и обнял меня.

– А ты ему закатали звонкую оплеуху.

– Ведь я же не знала, что это ты. Ты приехал в одно время с письмом. И какой ты был красавец! Впрочем, ты и теперь такой же. В кармане у тебя был желтый шелковый платок, а на голове лакированная шляпа; франт да и только. Но, Боже! Что это была за погода и какой вид имела улица!

– А потом мы повенчались, – добавил моряк. – Потом явился на свет нам первенец, а затем Мария, Нильс, Петр и Христиан.

– Да, а теперь они выросли и сделались порядочными людьми; всякий это скажет.

– И у них есть дети, и у детей их дети; все это отпрыски от нашего корня. Когда же, однако, день нашей золотой свадьбы?

– Да сегодня же, сегодня, – сказала Бабушка-бузина и просунула свою седую голову как раз между супругами, но они подумали, что это соседка им кланяется.

Скоро пришли их дети, внуки и правнуки. Все они отлично помнили, что сегодня день золотой свадьбы дедушки и бабушки, и еще утром их поздравили, но старики забыли. Ведь известно, что старики ясно помнят прошедшее; настоящее же сплошь и рядом ускользает из их памяти.

Бузина чудно благоухала, солнце, падая в лицо старцам, румянило их щеки, а самая маленькая правнучка плясала припевая: «Сегодня у нас праздник, за ужином будет горячий картофель!» Бабушка-бузина кивала головой и со всеми вместе кричала: «Ура!»

– Да разве это сказка? – спросил больной мальчик.

– Много же ты понимаешь! – отвечал рассказчик. – Вот спросим Бабушку-бузину.

– Это-то не сказка, – отвечала Бабушка-бузина, – сказка впереди. Из самой настоящей действительности образуются иногда удивительные сказки, иначе и мой бузинный куст не вырос бы из чайника.

С этими словами она взяла мальчика из кровати и прижала к своему сердцу, причем ветки бузины с цветочками сомкнулись над ними. Они сидели словно в тенистой беседке, которая неслась по воздуху. Это было невыразимо хорошо!

Бабушка-бузина вдруг превратилась в маленькую девочку. На ней было тоже удивительное платье из листьев и цветов, к груди приколот огромный цветок бузины, а на златокудрой головке красовался венок. И как чудно смотрели ее большие голубые глаза!

Девочка с мальчиком поцеловались. Они были однолетки, и им было так весело!

Они вышли рука об руку из беседки и очутились в прекрасном цветочном саду. На свежем газоне воткнут был кол, и к нему привязана отцовская палка. В этой палке для малютки заключался весь мир. Они сели на нее, и вдруг набалдашник превратился в великолепную лошадиную голову, распустилась длинная черная грива, выросли четыре стройные ноги, и перед детьми встало сильное, прекрасное животное, которое заржало и понеслось по лужайке.

– Ну, теперь мы ускачем далеко, – сказал мальчик, – в тот рыцарский замок, где мы были в прошлом году.

Они поскакали вокруг лужайки, а девочка, которая, как мы знаем, была не кто иной, как Бабушка-бузина, говорила:

– Вот мы в деревне. Видишь избушку с большой печью, которая выдается наружу, как исполинское яйцо. Над избушкой бузина раскинула свои ветви, а по двору ходит петух и роет для кур землю. Смотри, как он чванится.

Теперь мы у церкви. Она стоит на высоком холме под дубами, из которых один почти высох.

Теперь мы у кузницы. Ух, как пылает огонь! Полунагие кузнецы ударяют тяжелыми молотами, а искры так и брызжут.

Скорей-скорей, в роскошный рыцарский замок!

Все, что говорила девочка, сидя на палке, проносилось мимо, и мальчик все это видел, хотя они скакали только вокруг лужайки.

Потом они играли на боковой дорожке и на земле устраивали садик. Девочка выгащила из волос веточку бузины и посадила ее. Веточка выросла, как то дерево, под которым сидели старички. Дети взялись также за руки, но они не пошли на круглую башню и не поехали в Фреденборг. Нет! Девочка обняла мальчика, и они полетели далеко-далеко, по белому свету. Весна сменилась летом, лето – осенью, наконец наступила зима. Тысячи картин промелькнули перед мальчиком и запечатлелись в сердце, а девочка все приговаривала:

– Этого ты никогда не забудешь!

И во все время полета бузина благоухала так сладко! Мальчик обонял запах розы и других цветов, но бузина благоухала сильнее, так как ею осыпана была девочка, к которой он прислонился во время полета.

– Как хорошо здесь весной! – сказала девочка, когда они остановились в буковом лесу, который только что начинал зеленеть.

У их ног расцветали подснежники и из молодой травки выглядывали бледно-розовые анемоны. Ах, если бы всегда была весна в этом благоухающем буковом лесу!

– А здесь восхитительно летом!

В это время они летели над средневековым замком, высокие стены и зубчатые башни которого смотрелись в каналы, где плавали лебеди, заглядывая по временам в старые тенистые аллеи. На полях рожь волновалась, словно море, в оврагах цвели красные и желтые цветочки, а по изгородям вились дикий хмель и повилка. Вечером взошла большая круглая луна и с лугов донесся запах свежего сена. Такие картины не забываются!

– Как чудно здесь осенью! – воскликнула девочка.

Небо стало как будто выше и приняло синий цвет. Лес расцвятился красными, зелеными и желтыми листьями. Залаяли охотничьи собаки, гоняясь за дичью; по темному морю поплыли корабли с белоснежными парусами. Старые женщины, девушки и дети сидели на огородах и собирали хмель. Молодые пели песни, а старые рассказывали сказки о кобольдах и других духах. Казалось, что веселее и быть не могло!

– А здесь хорошо зимой!

Все деревья покрылись инеем и казались увешанными белыми кораллами. Снег скрипел под ногами, точно все обулись в новые сапоги. С неба скатывались одна за другой падающие

звезды. В комнате зажгли елку; началось пение и ликование. В деревне, в крестьянской хижине, заиграли на скрипке. Даже самое бедное дитя говорило: «Как хорошо зимою!»

Да, было действительно хорошо. И маленькая девочка показывала все это мальчику, а бузина продолжала благоухать и флаг развеваться. Тот самый флаг с белым крестом, под которым плавал старый моряк.

Мальчик вырос и отправился странствовать далеко-далеко, в те жаркие страны, где растет кофейное дерево. На прощанье девочка дала ему на память цветочек. Он положил его в молитвенник, взял с собой в чужие края и открывал книгу как раз на той странице, где находился цветочек. И чем чаще мальчик смотрел на этот цветочек, тем свежее он становился, и ему начинало казаться, что он обоняет воздух родного леса. В то же время он отчетливо видел девочку, которая из чащи бузинных листьев и цветов смотрела на него своими большими голубыми глазами, приговаривая: «Как хорошо здесь весной, летом, осенью и зимою!» При этом сотни разнообразнейших картин пронеслись в его воображении.

Прошло много лет, и он стал стариком. Вот он сидит со своей старушкой рука в руку под бузиной, точь-в-точь как «те» старички, и они тоже говорят о былом и о своей золотой свадьбе. Маленькая девочка с голубыми глазами сидит на бузине и, кивая им, говорит: «Сегодня день вашей золотой свадьбы!» Затем она вынимает из своего венка два цветочка и целует их. В ту же минуту цветы начинают блестеть, как серебро и затем, как золото. Девочка кладет цветы на голову супругов, и они превращаются в короны.

И так сидели старички в коронах, точно король с королевой. Он рассказывал ей сказку про Бабушку-бузину точь-в-точь так, как ему рассказывали ее в детстве. Они находили, что в ней есть много похожего на их собственную историю, и это им нравилось.

– В том-то и дело! – сказала девочка с бузины. – Одни меня зовут Бабушкой-бузиной, другие – Дриадой, а настоящее мое имя – воспоминание. Я составляю душу дерева и могу многое припомнить и многое порассказать. Покажи-ка, сохранил ли ты свой цветок?

Старик открыл молитвенник. В нем лежал бузинный цветочек, такой свежий, как будто только что был сорван. «Воспоминание» кивнуло, а старики продолжали сидеть в своих коронах, озаренные лучами заходящего солнца. Они закрыли глаза, и... и... Тут и сказке конец.

Мальчик лежал в своей кровати и не мог сообразить, во сне ли он все это видел, или слышал рассказ. Чайник стоял на столе, но из него не произрастало никакого дерева. Старик-сосед собрался уходить.

– Как хорошо это было! – сказал маленький мальчик. – Мама, я путешествовал по жарким странам.

– Охотно верю. Когда выпьешь две чашки бузинного чаю, то поневоле очутишься в жарких странах.

И она хорошенько его укрыла, чтобы он опять не простудился.

– Ты славно уснул, пока мы спорили с соседом, – сказала мать.

– А где же Бабушка-бузина?

– В чайнике сидит. Пусть там и остается.

Ангел

Каждый раз, когда умирает доброе дитя, на землю слетает ангел и уносит дитя на небо. Они пролетают над теми местами, которые при жизни любило дитя, срывают цветы и несут их к Богу, чтобы, волею Его, они цвели в райских садах еще пышнее, чем на земле. Господь Бог прижимает цветы к сердцу, и тот, который ему милее всего, целует. Божественное лобзание дарует цветку голос, и он начинает принимать участие в хвалебном хоре ангелов.

Все это рассказывал ангел во время полета умершему дитяти, и дитя слушало, как будто сквозь сон. Они пролетали над местами, где, бывало, дитя играло, и опустились в сад с роскошными цветами.

– Которые же из них мы возьмем с собою, чтобы посадить на небе? – спросил ангел.

Они остановились у розового куста, помятого безжалостной рукой. Одна ветка, полная бутонов, поникла и начала засыхать.

– Бедная ветка! – сказала дитя, полуоткрыв глазки. – Возьмем ее, чтобы она ожила у Бога.

Ангел поцеловал ребенка и взял розовую ветвь. Потом они сорвали еще несколько цветов, не пренебрегая маленькой маргариткой и скромной фиалкой.

– Теперь довольно цветов, – сказала дитя, и ангел кивнул головой. Но они еще не полетели к Богу.

Наступила ночь. Они парили над узкой мрачной улицей, куда едва заглядывал свет. Везде лежали кучи мусора, гнилой соломы, битой посуды; это был день переезда с квартир. На одной из мусорных куч лежал разбитый горшок с засохшим цветком.

– Мы возьмем этот цветок, – сказал ангел, и я тебе объясню почему.

Они поднялись к облакам, и ангел начал свой рассказ:

– В этой мрачной улице, в подвале, жил когда-то бедный больной мальчик. С самых ранних лет он все хворал и почти не вставал с постели. Много, много, что сделает иногда по комнате несколько шагов на костылях, вот и все. Летом солнечный луч изредка заглядывал в подвал. Тогда бедный мальчик, взяв костыли, выходил на крылечко и, сидя на ступеньках, держал руки против света и смотрел, как просвечивала кровь в его тоненьких пальчиках. В такие дни он говорил обыкновенно: «Слава Богу, я погулял сегодня». Бедняжка видал лес только на картинках и не мог представить себе настоящих его размеров. Когда сын соседа принес ему ветку клена, он поставил ее у изголовья, воображая, что сидит под деревом, греется на солнце и слышит пение птичек.

Однажды весной, тот же сын соседа принес больному пучок полевых цветов, между которыми попал один с корнем. Его посадили в горшок и поставили на окно у кровати. В добрый час посадили цветочек. Он принялся и цвел каждый год. Для бедного мальчика это был целый цветник, единственное его сокровище. Он его поливал, ухаживал за ним и старался так поставить, чтобы он мог воспользоваться каждым лучом солнца, случайно заглянувшим в окно. Цветок этот, казалось, жил для больного и для него одного цвел и благоухал.

Когда Бог отозвал к себе больного мальчика, он испустил последний вздох, склоняясь над цветком.

Прошел год, цветок засох, и его выбросили в мусор. Мы его берем, потому что в свое время он доставлял больше радости, чем все цветы королевского сада.

– Но откуда ты все это знаешь? – спросило дитя.

– Я это знаю потому, что сам был этим бедным больным мальчиком. Я тотчас узнал свой цветок.

Дитя открыло глазки и взглянуло на сияющий лик ангела. В то же время они вступили в обитель Господа, где царит радость и блаженство. Когда Господь Бог прижал к сердцу умершее дитя, у него выросли крылья и он воспарил с другими ангелами. Потом Бог прижал к сердцу

принесенные цветы и поцеловал засохший полевой цветок. Тотчас же цветок запел хвалу Богу вместе с сонмом ангелов, которые носились вокруг Творца вселенной, образуя бесконечные круги и спирали. Все восхваляло Бога, начиная от благословенного дитяти и кончая скромным полевым цветком.

Малый Клаус и большой Клаус

В одной деревне жили два соседа, у которых была одна и та же фамилия: Клаус. У одного было четыре лошади, а у другого – всего одна. Чтобы отличить их друг от друга, первого прозвали большим Клаусом, а второго – малым. Слушайте внимательно, что случилось с ними: ведь эта история не выдумана.

Малый Клаус согласился в течение недели обрабатывать поля большого Клауса на своей единственной лошади с тем, чтобы по воскресеньям большой Клаус давал ему свою четверку. Весело пощелкивая бичом, ходил малый Клаус по полю за пятью лошадьми, как будто бы все пять были его собственные.

Солнце сияло, колокола звонили, разряженный народ шел в церковь, а малый Клаус держал себя гоголем и, пощелкивая бичом, понукал лошадок.

– Эй вы, лошадушки мои!

Услыхав это восклицание, большой Клаус озлился.

– Какие же они твои, когда твоих-то только одна, – сказал он.

Малый Клаус в одно ухо впустил эти слова, в другое выпустил. Немного погодя, он уж опять кричал:

– Ну, ну, голубчики, лошадки мои!

Большой Клаус еще пуще озлился.

– Предупреждаю тебя, что если ты еще раз прокричишь такой вздор, я так тресну по башке твою лошадь, что она останется на месте.

– Ладно, ладно, не буду! – покорно отвечал малый Клаус.

Но вот на дороге показались знакомые поселяне. Они кланялись еще издали. Не утерпел малый Клаус. Желая щегольнуть перед знакомыми, он хлопнул бичом и крикнул:

– Эй вы, лошадушки мои!

Тогда большой Клаус взял дубину, хлопнул по голове лошадку малого Клауса и убил ее. Безутешно плакал малый Клаус.

Наплакавшись досыта, он содрал с убитой лошади шкуру, высушил ее на ветру, положил в мешок и понес в город продавать.

Идти приходилось лесом. В пути застала Клауса непогода, и он заблудился. Тем временем наступила ночь. Нечего было думать добраться до города раньше утра.

Случайно Клаус набрел на ферму, стоящую в стороне от дороги. Ставни были притворены неплотно, и сквозь щели мелькал свет.

Клаус постучался и попросился переночевать. Отворившая ему женщина оглядела его с ног до головы.

– Мужа нет дома, а без него я чужих не пускаю, – сказала она и захлопнула дверь.

Осмотревшись, Клаус увидел низкий сарай с плоской крышей.

– Вот где отлично можно выспаться, – подумал он. – Авось аист не выключет мне глаза.

Аист неподвижно стоял на страже возле своего гнезда.

Клаус полез на крышу и начал устраиваться, чтобы лечь поспокойнее. Ворочаясь с боку на бок, он заметил, что сквозь полуотворенные ставни ему отлично видно все, что в доме делается.

Посреди комнаты стоял стол, уставленный разными кушаньями. Тут было жаркое, рыба и несколько бутылок с вином. Хозяйка со своим гостем, дьячком, сидели за столом, угощались и весело разговаривали.

– Вот счастливицы! – подумал Клаус.

А счастливицы в эту минуту приступали к пирогу, который казался очень вкусным.

Послышался конский топот, и к крыльцу подъехал хозяин.

Этот человек страдал очень странной болезнью: он не мог равнодушно видеть дьячка. Как только увидит, так тотчас же придет в ярость. Дьячок, знавший о болезни хозяина, пользовался его отсутствием, чтобы навещать хозяйку. Понятно, что она старалась угостить гостя как можно лучше.

Услыхав, что муж приехал, хозяйка перепугалась; поспешно спрятала кушанье в печку, а гостю указала сундук, куда он и залез во избежание неприятностей.

Когда кушанье со стола исчезло, Клаус громко вздохнул. Тут-то и заметил его хозяин.

– Что ты там делаешь, любезный? – спросил хозяин. – Иди лучше сюда.

Клаус слез с крыши и, сообщив, что он заблудился, попросил приюта на ночь.

– Милости просим, – сказал хозяин. – Переночуй и подкрепишься пищею.

Хозяйка приняла их очень радушно и поставила на стол полный горшок каши.

Но Клаус терпеть не мог каши. Ему хотелось тех прелестей, которые спрятаны были в печи.

В досаде он придавил ногою мешок с кожей, сброшенный под стол, и кожа заскрипела.

– Что у тебя там? – спросил хозяин.

– Там у меня колдун сидит, так это он разговаривает.

– Что же он говорит?

– Он говорит, что мы можем не есть каши, так как он припас для нас кушанья получше.

Стоит только отодвинуть заслонку; кушанья в печи.

– Неужто?

Хозяин пошел, открыл заслонку и вскрикнул от удивления, увидав пирог, жаркое и рыбу.

Хозяйка, разумеется, не посмела спорить и поставила все кушанья на стол.

Когда хозяин и Клаус наелись досыта, последний опять придавил кожу.

– Твой колдун опять что-то говорит.

– Он говорит, что принес три бутылки и поставил их за печку.

Хозяйка должна была принести вино. Хозяин подвыпил и развеселился.

– Не может ли твой колдун показать мне черта, – сказал он. – Я теперь так подбодрился, что наверно не испугаюсь.

– Мой колдун делает все, что я ни пожелаю. Крак! Слышишь? Он говорит, что покажет черта, только ты струсишь.

– Ни за что не струшу.

– Крак! Он говорит, что может показать черта не иначе, как в образе дьячка.

– Брр... Это он нарочно; знает, что я не терплю дьячков. Ну, да пусть уж. Черт в образе дьяка, все же не дьячок. Пусть только близко ко мне не подходит.

– Постой, надо хорошенько послушать, что говорит колдун.

И, наступив на мешок, Клаус наклонился и стал делать вид, что прислушивается.

– Пусть, говорит, хозяин приподнимет крышку вон того сундука; только не очень, чтобы черт не выскочил.

– Хорошо; только ты уж, пожалуйста, помоги мне.

Едва хозяин приподнял крышку сундука, как тотчас же отскочил в сторону.

– Уф! Я его видел. Вылитый наш дьячок; отвратительная рожа.

Затем они снова принялись пить и пили до глубокой ночи. Хозяин так расхотелся, что стал упрашивать Клауса продать ему колдуна.

– Я дам тебе за него лукошко серебра, – говорил он.

– Не могу, – отвечал Клаус. – Я сам дорожу им. Ты видишь, какие оказывает он неоцененные услуги.

– Удружи, продай! – приставал хозяин.

– Ладно. За твое гостеприимство я согласен доставить тебе удовольствие. Только смотри, не надуй, насыпь лукошко до верха.

– Останешься доволен. Только будь другом, возьми уж и сундук. Иначе мне все будет думаться, что черт сидит в нем.

Клаус отдал хозяину мешок, получил лукошко серебра и, сверх того, тележку, чтобы донести сундук.

Распростившись с хозяевами, Клаус ушел припеваючи. Поравнявшись с рекой, он сказал как можно громче:

– Что мне делать с этим сундуком? Надоел он мне: все руки отянул. Брошу его в реку. Дьячок слышал эти слова; слышал плеск воды.

– погоди, погоди! – крикнул он. – Дай мне сперва выйти.

- Уф! Черт еще там. Надо его поскорей утопить.
- Выпусти меня, – взмолился дьячок, – я тебе дам полное лукошко серебра.
- Ну, это другое дело, – сказал Клаус и открыл сундук.

Дьячок вышел оттуда и, столкнув сундук в воду, повел Клауса к себе и отсыпал ему лукошко серебра.

Вернувшись домой, Клаус пересчитал добытые деньги и остался очень доволен.

«Выгодно продал я лошадиную кожу, – подумал он. – Большой Клаус лопнет с досады!».

Он послал мальчишку к большому Краусу и велел попросить у него мерку.

«На что ему мерка?» – подумал большой Клаус и вымазал дно мерки дегтем, чтобы к нему пристало то, что будет насыпать туда малый Клаус.

Он получил мерку обратно с приставшими ко дну несколькими монетами.

«Откуда у него деньги?» – удивился большой Клаус и побежал к малому.

– Откуда у тебя деньги? – спросил он.

– Э, у меня таких денег целых два лукошка. Мне дали их за лошадиную шкуру.

Большой Клаус побежал домой, убил всех своих лошадей и отправился продавать их шкуры в город.

– Лошадиные шкуры! Лошадиные шкуры! – кричал он, идя по улицам.

Прибежали сапожники, прибежали шорники, но когда узнали, что за каждую шкуру Клаус требует лукошко серебра, вытаращили глаза и сочли его за сумасшедшего.

А Клаус продолжал кричать и запрашивать неслыханные цены. Шорники и сапожники подумали, что он их дразнит, взяли ремни и так отхлестали большого Клауса, что тот едва ноги унес.

– Ладно, – подумал он. – Все это шутки малого Клауса. Надо его убить.

Тем временем у малого Клауса умерла старая бабушка. Клаус обрядил ее, положил на свою постель, а сам уселся на стуле в углу.

В полночь явился большой Клаус, направился прямо к постели и топором разрубил череп покойницы, вполне уверенный, что он убил своего врага.

Утром малый Клаус попросил у соседа лошадь, запряг ее в повозку и, взяв бабушку, посадил ее так, чтобы спинка повозки поддерживала ее тело. Рану на голове старухи он перевязал и надел ей шляпу. Вскоре он подкатил к гостинице и пошел закусить.

Трактирщик, человек богатый и очень добрый в душе, был так вспыльчив, что словно бы кто начинил его порохом.

– Что это ты сегодня такой нарядный? – спросил он, приветствуя Клауса.

– Еду с бабушкой в город. Вынеси-ка ей стаканчик медку. Только говори громче. Она плохо видит и почти ничего не слышит.

Трактирщик налил стакан меду и пошел угощать старушку.

– Вот вам медок, сударыня! – закричал он.

Но так как старуха не двигалась, он закричал еще и еще. Взбешенный молчанием старухи, он швырнул ей стакан в голову. Мертвая старуха покачнулась и свалилась.

Выбежав из трактира, Клаус схватил трактирщика за горло.

– Ты убил мою бабушку, негодяй! Смотри, какая рана у нее на голове.

– О Боже, какое несчастье! – воскликнул трактирщик, в отчаянии ломая руки. Это все моя проклятая вспыльчивость виновата. Миленький Клаус! Я дам тебе лукошко серебра и похороню твою бабушку, как родную мать, только не выдавай меня. Ведь, если палач отрубит мне голову, ты ничего не выиграешь, а мне будет очень больно.

Клаус взял лукошко серебра, возвратился домой и послал за меркой к большому Клаусу.

– Да неужто он жив? – воскликнул большой Клаус. – Надо пойти посмотреть.

Пришел и видит, что малый Клаус считает деньги.

– Откуда у тебя такая уйма денег? – спросил большой Клаус, зеленея от злости.

– Ты хотел убить меня, а вместо того убил мою бабушку. Я продал ее труп и получил лукошко серебра.

– Хорошая цена!

Не долго думая, большой Клаус побежал домой, убил свою бабушку и повез ее в город, к аптекарю, предлагая ему купить труп.

– Труп? А где ты его взял? – спросил аптекарь.

– Я убил свою бабушку, чтобы получить за нее лукошко серебра.

– Ты должно быть с ума спятил. Разве ты не понимаешь, что тебе отрубят голову за убийство.

Клаус хлестнул лошадь и был таков.

– Это все малый Клаус подводит меня, – подумал он. – Уж доконаю же я его.

Вернувшись домой, он взял мешок и пошел к малому Клаусу.

– Ты все дурачишь меня. Из-за тебя я убил лошадь, бабку и чуть сам не лишился головы.

Полезай в мешок: я решил тебя утопить.

И, схватив малого Клауса поперек туловища, он сунул его в мешок.

Но до реки было далеко, и малый Клаус был тяжеленек. Большой Клаус утомился и остановился у кабачка, оставив мешок за углом, чтобы никто его не видал.

– Ох, ох! – стонал малый Клаус, ворочаясь в мешке и пытаясь его развязать, но безуспешно.

Случайно проходил старый пастух, гнавший домой деревенское стадо. Увидав мешок, который шевелится, пастух остановился и спросил: кто там?

– Человек, который отправляется в рай, – ответил малый Клаус.

– Вот счастливец! Как бы я хотел быть на твоём месте.

– Так что ж? Развяжи мешок, садись в него и поезжай на тот свет.

– С радостью, если ты обещаешь прогнать мое стадо в деревню.

– Будь покоен!

Старый пастух развязал мешок, выпустил Клауса, а сам сел на его место. Клаус завязал мешок, собрал скот и погнал его, помахивая кнутиком.

Подкрепившись, большой Клаус вышел из кабачка, взвалил мешок на плечи и понес.

– Как стало легко! – подумал он. – Вот что значит подкрепить силы.

Понятно, что старый сухой пастух был легче молодого здорового Клауса.

Добравшись до реки, большой Клаус бросил в нее мешок, приговаривая:

– Не будешь больше меня дурачить, малый Клаус!

Идет себе большой Клаус домой и вдруг на перекрестке встречается малого Клауса со стадом.

– Это что значит? Ведь я же тебя утопил?

– Да, ты меня утопил полчаса тому назад.

– Откуда же это стадо?

– Это морской скот. Так и быть, я уж тебе расскажу всю правду за то, что из-за тебя я разбогател и обеспечен на всю жизнь. Видишь ли, когда ты меня бросил, я буль-буль, буль, прямо пошел ко дну, но не ушибся, потому что попал на мягкую траву. Вдруг слышу, развязывает кто-то мешок. Выхожу и вижу – передо мной прекрасная девица с венком на голове. «Здравствуй, – говорит, – миленький. Я тебя ждала и подарок тебе приготовила». Тут-то я увидел это стадо. Оно паслось поблизости. Я поблагодарил девицу и попросил ее вывести меня наружу. Видишь ли, Клаус, для водяного народа река все равно что для нас большая дорога. По бокам деревья, за ними поля, луга с роскошными цветами.

Рыбы плавали над моей головой, как у нас на земле птицы. На лугах паслось множество скота, и что за скот, я тебе скажу! Скоро я дошел до подъема и вместе со своим стадом вышел наружу.

– Тебе положительно везет. А что, если бы я спустился в реку, подарили бы мне стадо, как ты думаешь?

– Конечно бы подарили. Только мне не донести тебя до реки, ты слишком тяжел. Вот, если ты сам дойдешь, я, пожалуй, посажу тебя в мешок и спихну.

– Ты добрый малый, в сущности. Только помни: если я вернусь без стада, я тебя жестоко вздую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.